видомъ, и тѣмъ не менѣе **психологія привилегированнаго сословія изъ нихъ не вывѣтрилась.** Есть къ этому и объективныя основанія. Пролетарское происхожденіе **открываетъ всѣ двери,** въ томъ числѣ и **дверь въ компартію.** Какъ ни жалко положеніе рядового партійца, все же онъ **чувствуетъ** на себѣ отраженіе могущества единой и единственной партіи, которая владѣетъ Россіей и завѣряетъ, что не сегодня - завтра произведетъ міровую революцію. Ему импонируетъ міровой масштабъ его положенія, ему импонируетъ **фактическая власть,** которую онъ осуществляетъ хотя бы въ рабочемъ контролѣ. Передъ нимъ **лебезятъ инженеры,** доктора и интеллигенты **изъ бюрократіи** и... его ненавидятъ крестьяне». Вотъ эту психологическую настроенность русскаго рабочаго до сихъ поръ не могутъ понять многіе и многіе эмигранты. Эти эмигранты заразились вульгар

1) … ном. 196 - 197 "Борьбы за Россію".

BANQUE DE CREDIT
БИРЖЕВ. ОПЕРАЦ. 40, rue de l'Echiquier
Наличными и на срокъ. Оффиц. тарифъ.
КАПИТАЛЫ для закладныхъ на дома, товаръ или хорошія гарантіи.
НАИЛУЧШ. УСЛОВ.—БЫСТР. ИСПОЛН.

торые не соотвѣтствуютъ на дѣлѣ дѣйствительности, а служатъ лишь цѣлямъ какого то хитраго маневра, почему то называемаго здѣсь агитаціей... **Такая партія заслуживала бы того, чтобы, просуществовавъ короткій срокъ, исчезнуть потомъ, какъ мыльный пузырь. Наша партія была бы тогда не партіей пролетаріата, а пустой пѣной на поверхности воды».**

Отвѣтъ правильный. Не хватаетъ въ немъ лишь одного: что тов. Сталинъ считаетъ «короткимъ срокомъ»? Приходится, вѣдь, говорить о двухъ срокахъ. Сколько продлится періодъ **созрѣванія** сознанія, что «рабоче - крестьянская власть» есть лишь «агитаціонный лозунгъ». При россійскомъ уровнѣ культуры этотъ срокъ можетъ быть весьма продолжительнымъ, — 10-15 лѣтъ... И другой срокъ, потребный для срыванія масокъ и обращенія партіи въ «мыльный пузырь». Этотъ срокъ (по старому опыту...) въ Россіи бываетъ непродолжительнымъ. Съ Дубинушкой вмѣсто Интернаціонала — въ два - три дня...

Ек. Кускова.

1) "Литераутрная Газ.", ном. 45 отъ 9 окт. 1930 г. Этотъ вопросъ даже 2-3 года тому назадъ былъ бы совершенно невозможенъ.

изъ которыхъ въ первую очередь слѣдуетъ отмѣтить... 1) проведенное партіей наступленіе на кулака, въ силу котораго кулацкая часть деревни реализовала скотъ передъ вступленіемъ въ колхозы въ связи съ искривленіемъ политики ЦК партіи на мѣстахъ.

(«Правда», 28 октября).

знали какъ «просвѣщеннаго большевика», человѣка во всѣхъ отношеніяхъ пріятнаго, гдѣ то въ опалѣ на сѣверѣ Россіи. Въ свѣтѣ этихъ очень понятныхъ для европейца явленій пріобрѣтаютъ ясность запоз

…геръ — 15; Крюкова — 11; А. Л. — 30; Л. Н. Л. — 15; К. Л. — 10; Л. В. — 50; Морозова — 200; Л. П. — 100; М. Ш. — 10; Н. Н. Н. — 50; Э. Гопъ — 100; П. К. В. — 50. Итого — 651 франкъ.
Съ ранѣе поступившими — 961 фр.

Вѣсти отовсюду

— Генеральный секретарь Лиги Націй вручилъ представителямъ 27-ми европейскихъ странъ приглашеніе на конференцію Коммесіи по вопросу о созданіи европейской федераціи. Коммесія начнетъ свои работы 19-го января.

— Чрезвычайный трибуналъ въ Римѣ приговорилъ трехъ коммунистовъ, нелегально вернувшихся въ Италію, къ 10-ти годамъ тюрьмы каждаго.

— По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, наводненіе въ Смирнскомъ районѣ повлекло много человѣческихъ жертвъ. 2.500 семействъ остались безъ крова. Матеріальные убытки превышаютъ 250 милліоновъ драхмъ.

— Въ виду разлива Шпре, затоплена значительная часть района Коттбусъ, крупнаго мануфактурнаго центра. На многихъ фабрикахъ прекращена работа.

— Въ Виллахѣ (Австрія) обвалилась строющаяся казарма. Одинъ рабочій убитъ, 12 ранено.

— Съ 27-го до 30-го октября вывезено изъ Англіи во Францію золота на 545.080 ф. ст.

— Въ Венгріи арестовано 120 совѣтскихъ агентовъ. Изъ обнаруженныхъ у арестованныхъ документовъ устанавливается, что всѣ они получали жалованіе изъ Москвы.

— Имперскій кабинетъ отмѣнилъ распоряженіе Вирта о прекращеніи дотацій рабочему брауншвейгскому правительству на содержаніе полиціи. Рѣшеніе это является побѣдой праваго крыла кабинета Брюнинга.

— Въ окрестностяхъ Люблянъ разбился военный аэропланъ. Пилотъ и механикъ убиты.

NICOLAS
Превосходныя вина
215 отдѣленій

Краткіе разсказы

ПОРОСЯТА

Вышли поросята на вечернюю прогулку послѣ ливня съ бурей и въ восхищеньи остановились передъ грязнымъ, взволнованнымъ прудомъ.

— Ахъ, какой прекрасный, вонючій прудъ! — воскликнулъ передній.

И всѣ прочіе завизжали дружно:

— Oui!

Больше они по французски ничего не знали.

ЛАНДО

У смерти все свое, особое.

Возлѣ воротъ дачи стоитъ огромное старое ландо, пара черныхъ большихъ лошадей: пріѣхалъ изъ города хозяинъ дачи. Что-то необычное и чрезмѣрное въ этомъ ландо и въ этихъ лошадяхъ. Что именно? Оказывается, что лошадей и ландо далъ хозяину дачи его пріятель, содержатель бюро похоронныхъ процессій. Кучеръ, сидящій на козлахъ, такъ и сказалъ:

— Это ландо изъ погребательной конторы.

И въ довершеніе всего, черная борода кучера отливаетъ зеленью, имѣетъ цвѣтъ ваксы: крашеная.

РОМАНЪ ГОРБУНА

Горбунъ получилъ анонимное любовное письмо, приглашенье на свиданье:

— Будьте въ субботу 12 апрѣля, въ семь часовъ вечера, въ скверѣ на Соборной площади... Я молода, богата, свободна и — къ чему скрывать! — давно знаю, давно люблю васъ, вашъ гордый и печальный взоръ, вашъ благородный, умный лобъ, ваше одиночество... Я хочу надѣяться, что и Вы найдете, быть можетъ, во мнѣ душу, родную Вамъ... Мои примѣты: темно-сѣрый англійскій костюмъ, въ лѣвой рукѣ зонтикъ лиловаго шелка, въ правой — букетикъ фіалокъ...

Легко себѣ представить, какъ онъ былъ потрясенъ, какъ ждалъ субботы: первое любовное письмо за всю жизнь! Въ субботу онъ ходилъ къ парикмахеру, купилъ новые ботинки, перчатки, галстухъ; дома, наряжаясь передъ зеркаломъ, безъ конца перевязывалъ этотъ галстухъ своими длинными, тонкими пальцами, холодными и дрожащими отъ волненія; на щекахъ его, подъ тонкой кожей, разлился красивый пятнистый румянецъ, прекрасные глаза потемнѣли... Потомъ онъ сѣлъ въ кресло, — какъ гость, какъ чужой въ своей собственной квартирѣ, — и сталъ ждать рокового часа. Наконецъ, въ столовой важно, почти грозно пробило шесть съ половиной. Онъ сдержанно поднялся, не спѣша надѣлъ въ прихожей весеннее пальто и весеннюю шляпу, взялъ трость и медленно вышелъ изъ дому. На улицѣ, однако, онъ уже не могъ владѣть собой — зашагалъ своими длинными и тонкими ногами быстрѣе, со всей вызывающей важностью, присущей горбу, но внутренно весь трепеща — той робостью, страхомъ, съ которымъ всегда предвкушаемъ мы счастье. Но когда достигъ цѣли, вошелъ въ скверъ возлѣ собора, вдругъ оцѣпенѣлъ на мѣстѣ: навстрѣчу ему, въ розовомъ свѣтѣ весенней зари такими же важными и длинными шагами спѣшила въ своемъ темно-сѣромъ англійскомъ костюмѣ и хорошенькой шляпкѣ, похожей на мужскую, съ зонтикомъ въ лѣвой рукѣ и съ фіалками въ правой — горбунья.

ПОСТОЯЛЕЦЪ

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, теперь не сдается. Извозчикъ сказалъ вамъ правду, у насъ жили. Мы, дѣйствительно, прежде иногда сдавали, ну, а теперь рѣшили совсѣмъ не сдавать, — ни за какую цѣну. И не просите — никакъ не можемъ. Вы меня, пожалуйста, извините, вы, я вижу, господинъ пріятный и приличный, но что-же дѣлать? Я васъ понимаю, — городокъ нашъ дикій, найти у насъ помѣщенье трудно. Опять же человѣкъ вы пріѣзжій, никому не извѣстный — всякій будетъ стѣсняться: молъ, будетъ-ли платить аккуратно, да не дерзкаго ли поведенья... вѣдь бываетъ, — придетъ постоялецъ ночью отъ друга, ляжетъ спать хмельной, съ папироской, заснетъ и надѣлаетъ пожару... Знаю и то, что не всякое семейство будетъ и вамъ самому по вкусу, а у насъ, конечно, чисто, тихо, старушки мы съ сестрицей одинокія, не нахальныя, домикъ имѣемъ хоть и скутный, а все таки есть и садикъ, и коровка... Мнѣ васъ, батюшка, сердечно жалко, но только мы ужъ твердо теперь согласились: больше этимъ дѣломъ никогда не заниматься — Богъ съ нимъ совсѣмъ, пускай комната стоитъ пустая. Вы вотъ усмѣхаетесь, а, простите, сами не знаете, чему. Отчего именно мы такъ рѣшили? А не все ли вамъ равно? Если же хотите знать серьезно, то извольте, объясню: оттого, что съ послѣднимъ постояльцемъ мы имѣли такую непріятность, которой и подобія не сыщешь. Мы, батюшка, такъ съ нимъ натерпѣлись, что и теперь страшно вспомнить. Онъ, этотъ постоялецъ, сначала просто плѣнилъ насъ: видимъ однажды утромъ подъѣзжаетъ къ воротамъ извозчикъ съ вокзала, съ утренняго поѣзда изъ Тулы, сидитъ въ пролеткѣ молодой человѣкъ съ дорожной корзинкой, не спѣша слѣзаетъ и направляется къ калиткѣ. Очень хромаетъ, — лѣвый кострецъ такъ и ходитъ то кверху, то книзу, подошва на лѣвомъ ботинкѣ пальца въ три толщиною, — но до того скромненъ, миловиденъ, такое новенькое пальтецо, такой хорошенькій костюмчикъ, что мы просто залюбовались. Форменная фуражка тоже только что изъ магазина — оказывается, чиновникъ, недавно поступилъ на службу и вотъ, значитъ, командированъ изъ Тулы находиться въ нашемъ уѣздѣ. Застѣнчивъ на рѣдкость, расспрашиваетъ объ условіяхъ даже подобострастно, глазъ не поднимаетъ — стоитъ въ прихожей, снявъ фуражку, упершись въ этотъ костыль, поднялъ кострецъ сколько можно, еле носкомъ пола касается, смотритъ куда-то вбокъ, въ землю, весь румянцемъ залился и расспрашиваетъ... Голосъ искательный, тихій, заикается немного... Не понравилось мнѣ, правда, тогда-же, что онъ избѣгаетъ, не можетъ, видно, глядѣть человѣку въ глаза прямо, ну, да что жъ думаю себѣ, они, эти хромые и заики, всегда такіе обидчивые, самолюбивые... Короче сказать вамъ, въ тотъ-же день онъ у насъ и поселился и съ мѣсяцъ жилъ до того безупречно, что хоть бы епархіалкѣ впору. Напьется чаю, уйдетъ до обѣда на службу, послѣ обѣда засядетъ за какую-нибудь вѣдомость, отчетность, что принесетъ съ собой на домъ, для вечерней работы, — и сидитъ, какъ мышь, даже дыханія не слышно... Только ужъ очень былъ не словоохотливъ, да спать ложился даже какъ-то не хорошо рано; мы и то куда позднѣе — въ свои козыри для развлеченія поиграемъ, поговоримъ о чемъ-нибудь, пошутимъ, а онъ, какъ поужиналъ, какъ только, значитъ, восемь часовъ било, сейчасъ въ постель и ужъ лампу тушитъ. А вѣдь, знаете — человѣкъ молодой; ну, хоть бы какое знакомство завелъ, хоть бы почиталъ что, гитару купилъ бы себѣ или цитру! Все это меня тоже куда какъ къ нему не располагало, ну, а сестрица и слышать ничего не хочетъ — души въ немъ не чаетъ: молъ, и трудолюбивъ, и вѣжливъ, и все такое... Только можете себѣ представить, что же вдругъ выходитъ? Чувствуемъ разъ ночью — что-то насъ сквозь сонъ безпокоитъ. Открыла мы глаза, а у него свѣтъ подъ дверью. Что за притча? Что молъ такое, ужъ не захворалъ ли? Часъ уже поздній — по мѣсяцу въ окнѣ видно, снѣгъ на крышахъ, хоть и блеститъ еще, а ужъ мертвѣетъ, да и такъ вездѣ тихо, жутко, какъ, знаете, только часамъ къ тремъ, къ четыремъ бываетъ, а у него вдругъ огонь горитъ! Встали мы одна за другой чуть слышно, подкрались къ его двери, я глянула въ щелку — и, вѣрите-ли, истинно обомлѣла: полыхаетъ у него лампа — во весь фитиль пущена — а самъ онъ сидитъ въ одномъ бѣльѣ на кровати, поджалъ подъ себя хромую ногу и этакъ гордо, дерзко глядитъ противъ себя въ стѣну; уперся въ нее глазами, будто что на ней видитъ, потомъ какъ прискочитъ! Я вся трясусь, шепчу: «Сестрица, гляньте, гляньте!» А онъ какъ взовьется, да какъ вскинетъ кренделями руки... Затрясъ ими да какъ хлопнетъ по ляжкамъ вродѣ крыльевъ, да какъ хватитъ на весь домъ, во весь пѣтушиный голосъ: «Кукареку! Кукареку!» — Словомъ, не буду васъ безпокоить долгимъ разсказомъ. Одно скажу: мы такой страсти за весь вѣкъ не испытали, какъ за эту зиму! Вѣдь всю зиму кричалъ! Какъ ночь — пошла потѣха! Мы, конечно, послѣ перваго же раза обратились къ нему вполнѣ откровенно: молъ, извините, что-же это такое, вы, оказывается, по ночамъ пѣтухомъ кричите, это намъ слишкомъ странно и неудобно, мы васъ покорнѣйше просимъ оставить квартиру. И, представьте, что-жъ онъ намъ отвѣчаетъ? «Нѣтъ, говоритъ, простите, съ квартиры я не съѣду». Этакъ тихо, ровно, глазъ не подымая, но такъ твердо, какъ мы даже и въ мысляхъ не держали слышать отъ такого вѣжливаго человѣка. Мы сперва просто ушамъ не могли повѣрить: позвольте, какъ же это такъ вы не съѣдете съ квартиры? Домъ-то все-таки нашъ собственный, мы вѣдь можемъ и къ вашему начальству и въ полицію обратиться! А онъ помолчалъ, помолчалъ, да еще тише и тверже: «Пожалуйста. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Васъ сочтутъ за сумасшедшихъ, вашимъ сказкамъ никто не повѣритъ.» — «Да помилуйте, какія-же сказки? Значитъ, вы хотите сказать, что вы не кричите?» — «Да-съ, не кричу. Кромѣ васъ, вѣдь никто и слышалъ?». И, какъ, знаете, поднимется со стула во весь ростъ, какъ сверкнетъ глазами! Прежде все только припадалъ да кострецъ отклячивалъ, а тутъ какъ вытянется до потолка этакимъ командиромъ, какъ стукнетъ костылемъ! «Да-съ, не кричу! Попробуйте, докажите! Зовите понятыхъ сидѣть у васъ всю ночь, ждать этого крику!» А мы со страху такъ и поползли отъ него въ разныя стороны. Перестали послѣ того и въ столовую выходить, и чай пьемъ, и обѣдаемъ, и ужинаемъ у себя въ спальнѣ, велѣли кухаркѣ ему одному подавать, онъ-же и на это никакого вниманія: поѣстъ, попьетъ и закостыляетъ въ свою комнату, ровно ни въ чемъ не бывало. А какъ ночь... Батюшка, онъ насъ прямо съ ума свелъ! Съ вечера ни живы, ни мертвы, — сидимъ, ждемъ этого страшнаго часа, когда онъ, значитъ, проснется и загорланитъ со всякими пѣтушиными переливами. Кухарка тоже не спитъ, ждетъ, трясется вся: «Господи, сохрани, Господи, помоги! Живый въ помощи Вышняго!» И куда только мы ни бѣгали, съ кѣмъ только ни совѣтовались: какъ быть, какъ намъ отъ этой муки и страсти избавиться! А добились только того, что всему городу посмѣшищемъ стали, а приставъ, у котораго мы чуть не въ ногахъ валялись, такъ нами подъ конецъ раздражился, что какъ орелъ сталъ вскакивать съ кресла, завидя насъ: — «Вонъ съ глазъ моихъ долой, вѣдьмы, въ кандалы велю заковать, по этапу въ Тулу въ желтый домъ отправлю!» И что бы это было, что бы это, Царь Небесный, было, если бы этого постояльца не перевели на службу въ Богородицкъ!

СЛОНЪ

Худенькая, живоглазая дѣвочка, похожая на лисенка, необыкновенно милая отъ голубой ленточки, бантомъ которой схвачены на темени ея бѣлобрысые волосики, во всѣ глаза смотритъ въ звѣринцѣ на покатую шершавую громаду слона, тупо и величаво обращенную къ ней большой широколобой головой, лопухами облѣзлыхъ ушей, голо торчащими клыками и толстой, мягкой трубой низко висящаго хобота съ острымъ хоботкомъ и черно-резиновой воронкой на концѣ. Тоненькимъ голоскомъ:

— Мама, отчего у него ноги распухли?

Мама смѣется. Но смѣется и самъ слонъ. Склоняя голову, уставясь лбомъ, смотритъ и онъ на дѣвочку, и въ его свиныхъ, раскосыхъ глазкахъ явно блещетъ что-то хитрое и веселое. Онъ отъ удовольствія даже весь раскачивается, начинаетъ волновать хоботъ — и вдругъ, въ трогательной безпомощности, въ полной невозможности иначе выразить свои чувства и мысли, крутымъ изгибомъ взвиваетъ его кверху, показывая его исподнюю влажно-тѣлесную мякоть, рога обнаженныхъ клыковъ и нелѣпо-маленькій ротъ между ними, съ мучительнымъ наслажденіемъ катитъ изъ своихъ страшныхъ нѣдръ глухой громъ, рокотъ, потомъ мощно и радостно-глупо трубитъ на весь звѣринецъ.

А за обѣдомъ было празднично: прибавили цвѣтную капусту и были гости, — полнѣющая, но еще хорошая и красная дама съ черноглазымъ мальчикомъ, очень молчаливымъ и внимательнымъ.

И мама разсказала о слонѣ и о томъ, какъ спросила дѣвочка о его ногахъ. И дѣвочка поняла, что она сказала смѣшно и что ею восхищаются, и стала изгибаться, вертѣть головкой, неожиданно и не въ мѣру звонко захохотала.

— Прелестный ребенокъ! — задумчиво сказала дама, безъ стѣсненія глядя на нее.

И она заболтала ногами и капризно повторила:

— Нѣтъ, мама, правда: отчего у него ноги распухли?

Но мама улыбнулась уже нарочно и заговорила съ дамой о чемъ-то другомъ, совсѣмъ неинтересномъ. И тогда, искоса поглядывая на мальчика, дѣвочка ерзнула со стула, подбѣжала къ буфету и, чтобы опять обратить на себя вниманіе, стала пить воду прямо изъ горлышка графина, задыхаясь, булькая и обливая себѣ подбородокъ. А когда совсѣмъ облилась и захлебнулась, бросила и заплакала.

ТЕЛЯЧЬЯ ГОЛОВКА

Мальчикъ лѣтъ пяти, веснушчатый, въ матроскѣ, тихо, какъ завороженный, стоитъ въ мясной лавкѣ: папа ушелъ служить на почту, мама пошла на рынокъ и взяла его съ собой.

— У насъ нынче будетъ телячья головка съ петрушкой, — сказала она, и ему представилось что-то маленькое, хорошенькое, красиво осыпанное яркой зеленью.

И вотъ онъ стоитъ и смотритъ, со всѣхъ сторонъ окруженный чѣмъ-то громаднымъ, краснымъ, до полу висящимъ съ желѣзныхъ ржавыхъ крючьевъ короткими обрубленными ногами и и до потолка возвышающимся безголовыми шеями. Это что-то спереди зіяетъ длинными пустыми животами въ жемчужныхъ слиткахъ жира, а съ плечей и бедеръ блещетъ тонкой пленкой уже подсохшаго тучнаго мяса. Но онъ въ оцѣпенѣніи смотритъ только на головку, которая оказалась лежащей прямо передъ нимъ, у входа, на мраморной стойкѣ. Мама тоже смотритъ и горячо споритъ съ хозяиномъ лавки, тоже огромнымъ и тучнымъ, въ грубомъ бѣломъ балахонѣ, гадко испачканномъ на животѣ чѣмъ-то бурымъ, низко подпоясаннымъ широкимъ ремнемъ съ болтающимися на немъ толстыми и сальными ножнами. Мама споритъ именно о ней, о головкѣ, и хозяинъ сердито тычетъ въ головку мягкимъ пальцемъ. Мама хочетъ взять ее всю и за безцѣнокъ, а хозяинъ кричитъ: «Мадамъ, вы знаете, сколько въ ней вѣсу?» И правда — такъ велика эта головка, что даже голова мамы кажется передъ ней пустякомъ. О ней спорятъ, она же лежитъ неподвижно, безучастно. Бычій лобъ ея ровенъ, спокоенъ, мутно-голубые глаза полузакрыты, крупныя рѣсницы сонны, а ноздри и губы такъ раздуты, что видъ имѣютъ наглый, недовольный... И вся она гола, сѣро-тѣлесна и упруга, какъ резина...

Затѣмъ хозяинъ однимъ страшнымъ ударомъ раскроилъ ее на двѣ половины и одну половину, съ однимъ ухомъ, съ однимъ глазомъ и одной ноздрей, швырнулъ въ сторону мамы на хлопчатую бумагу.

ГРИБОКЪ

Сквозь утренній морозный туманъ и утренніе дымы города — розово-янтарное солнце, мягко, весело, уютно озаряющее номеръ «Сѣверной Гостиницы». Внизу, за окнами, огромная людная площадь, весь сѣрый отъ инея плечистый, коренастый царь-мужикъ на своемъ упрямомъ и могучемъ свиноподобномъ конькѣ, возбуждающіе звонки, гулъ и скрежетъ трамваевъ, все время кругами обходящихъ его... Ахъ, хорошъ Петербургъ! Пріѣзжій только что съ вокзала, изъ Москвы, — точно изъ деревни, — отлично выспался за ночь въ тепломъ, покойномъ купэ, за которымъ всю ночь густо шли черно-зеленые, въ бѣломъ сахарѣ, еловые лѣса, и впереди у него цѣлый день суеты и наслажденій: солнце, морозъ, рѣзвый лихачъ, сизыя ущелья великолѣпныхъ проспектовъ и улицъ, одно интересное свиданье, другое, еще болѣе интересное, потомъ завтракъ съ однимъ пріятелемъ и обѣдъ съ другимъ... Предвкушая все это, пріѣзжій поспѣшно раскрылъ че-

...сидѣли колхозники. Невдалекѣ предсѣдатель шелестѣлъ листкомъ бумаги, здѣсь же чернѣла куча новыхъ сапогъ.

— Такъ, стало быть, товарищи! — громко сказалъ предсѣдатель, засовывая два пальца за ремень. — Стало быть, прислали намъ шесть паръ сапогъ за ударную работу. Цѣльную ночь сегодня сидѣли, списки составляли.

Предсѣдатель передохнулъ.

— Насилу составили. . . Потому ударниковъ много, а сапогъ, стало быть, мало... Итакъ, постановили мы наградить за отличную работу сапогами Фрола Севастьянова, пастуха. . .

Три молодыхъ колхозника затренькали маршъ на балалайкахъ. Фролъ, застѣнчиво улыбаясь, вышелъ впередъ шаркая лаптями. Предсѣдатель подалъ ему сапоги.

— Надо помѣрить! — сказали въ толпѣ. — Ты помѣрь, Фролъ. . .

— Сапоги, граждане, — вскрикнулъ предсѣдатель, — всѣ одного размѣра. . . Помѣрить, конечно, можно. . .

Фролъ разулъ лѣвую ногу, замоталъ портянку, попробовалъ натянуть сапогъ.

— Не лѣзетъ? — участливо склонился предсѣдатель.

— Не лѣзетъ. . . Такъ въ голенищѣ стреваетъ. . .

— Ахъ, ты, мать честная! . . — вздохнулъ предсѣдатель. — Да ты погоди, не тяни, не тяни. . . Разъ не лѣзетъ, значитъ, не лѣзетъ. . . Лапа у тебя, какъ у медвѣдя. . . Ну, извини, братъ, самъ видишь. . .

Фролъ, босой на одну ногу, зашагалъ къ бревнамъ.

— Игорка, чортъ! . . — крикнула изъ рядовъ жена. — Да ты хоть безъ портянки испробуй. . . Можетъ, безъ портянки взойдутъ? . .

— Рази, что безъ портянки. . .

— Тссс. . . — покачалъ головой предсѣдатель, когда Егоръ началъ примѣривать сапоги. — На руки они тебѣ, и то не залѣзутъ. . . Клади обратно. . . Что за горе, въ самомъ дѣлѣ.

Послѣ шестого ударника предсѣдатель безпомощно развелъ руками:

— Что жъ дѣлать, граждане? Не отсылать же обратно подарки? . .

— Конечно, не отсылать. . . Тамъ еще обидятся. . . Пускай народъ примѣряетъ.

И началъ тутъ народъ скидывать лапти, валенки, ботинки. И первая же нога пришлась по ногѣ Семкину — лодырю и пьяницѣ.

— Какъ есть по ногѣ! — хвастается онъ, и скрипитъ подметками. — И мозоль даже не жметъ. . . Тютелька въ тютельку.

И щелкнулъ ладошей по голенищу. Не выдержалъ предсѣдатель, крикнулъ:

— Скидавай сапоги! . . Вотъ что. . . Я сейчасъ всѣ ноги подходящія перепишу, сапоги въ кладовую запремъ. . . И пущай хозяева этихъ ногъ подтянутся. Черезъ полгода поглядимъ, кто достоинъ. . .

— Только такъ и остается, — сказалъ пастухъ Фролъ, — а въ городъ сообщить, чтобъ сапогъ больше не присылали, а то отъ нихъ одно только разстройство народу. . .

— Которые съ ногами, подходи, — сказалъ предсѣдатель, и облизнулъ карандашъ.

Вл. Тоболяковъ

Открытое письмо къ русской эмиграціи

Если всѣ мы, русскіе люди, переживаемъ тяжкія невзгоды нашего вынужденнаго изгнанія, если тяжела наша жизнь людей, которые, такъ или иначе, могутъ работать, то во сколько разъ тяжелѣе жизнь тѣхъ, кто лишенъ даже физической возможности трудиться. . .

Мы говоримъ о нашихъ русскихъ военныхъ инвалидахъ. Ихъ — этихъ безрукихъ, безногихъ, слѣпыхъ и искалѣченныхъ воиновъ, — находится во Франціи свыше 600 человѣкъ.

Они потеряли свои силы и стали калѣками, защищая честь нашей Родины, защищая всѣхъ насъ, и нашъ долгъ и святая обязанность помочь имъ.

Мы, русскіе артисты, рѣшили помочь нашимъ обездоленнымъ инвалидамъ, живущимъ во Франціи, своимъ участіемъ въ организаціи концерта-бала, который состоится 4-го ноября въ залахъ Жанъ-Гужонъ, подъ девизомъ **«Русскіе артисты — русскимъ военнымъ инвалидамъ во Франціи»**.

Пусть этотъ день напомнитъ всѣмъ о тѣхъ, кто отдалъ лучшее въ своей жизни за Родину — свою кровь и здоровье.

Мы приглашаемъ всѣхъ русскихъ быть въ этотъ вечеръ въ залахъ Жанъ-Гужонъ и тѣмъ отблагодарить нашихъ защитниковъ инвалидовъ.

Пусть тѣ, кто не сможетъ придти лично, пришлютъ свою лепту въ адресъ Предсѣдателя объединеннаго совѣта русскихъ военныхъ инвалидовъ во Франціи, генерала Чекотовскаго. — 35, рю де Севръ, Парижъ (6).

Подробная программа будетъ объявлена дополнительно.

Предварительная продажа билетовъ въ 100 и 20 франковъ: въ Союзѣ Инвалидовъ — 35, рю де Севръ; въ Объединеніи офицеровъ-инвалидовъ — 16, плясъ Вандомъ, въ редакціяхъ газетъ: «Послѣднія Новости» — 51, рю Тюрбиго, «Возрожденіе» — 2, рю де Сэзъ; въ магазинахъ: Сіяльской — 2, рю Пьеръ ле Грандъ, и Поволоцкаго — 13, рю Бонапартъ и въ ресторанѣ «Боръ» — 72, рю Фондари; въ парикмахерской Воеводенко — 77, рю де Петитъ Шампъ.

Н. Богданъ, Л. Коротнева, Марія Лаудонъ, А. Малашкина, Н. Михайлова-Рэстъ, Л. Нестеровская, Н. Плевицкая, Екатерина Рощина-Инсарова, Е. Саблина, Е. Садовень, кн. Л. Трубецкая, А. Хунарія, Н. Авсѣенко, С. Багрецовъ, В. Игнатовъ, М. Каракашъ, Н. Кратиновъ, Г. Поземковскій, Рафаэль, Д. Усовъ, Георгій Черноковъ, А. Швайковскій. Русскій Духовой Оркестръ, дирижеръ Е. Бурсо.

...мается практикой. Юрисконсультъ «При... ватъ уидъ Коммерцъ-банкъ» — также слѣпой.

...менсъ - Шуккерта, третій работаетъ на берлинской электрической станціи, а два работаютъ въ Кенигсбергѣ.

Процессъ „Мадемуазелль Пари"

«Миссъ Пари», Мадлена Брійянъ, подала въ судъ жалобу на парижскій «Комитетъ Празднествъ». Принимая участіе во всѣхъ торжествахъ, устраиваемыхъ комитетомъ, «Миссъ Пари» пришлось отказаться отъ работы (она служила манекенщей въ одномъ изъ модныхъ домовъ). Комитетъ посулилъ ей лучшіе туалеты, автомобили, драгоцѣнности, словомъ, все, чего пожелаетъ та, которая признана самой красивой, самой граціозной и самой элегантной парижанкой.

Четыре мѣсяца «Мадемуазелль Пари» исполняла свои обязанности, но на пятомъ отказалась. Автомобиль ей, дѣйствительно, подавали, но только въ дни, когда надо было ѣхать на какія-нибудь празднества. Туалетовъ и драгоцѣнностей у нея тоже было не мало, но ихъ приходилось снимать тотчасъ же послѣ бала или торжества, и возвращать той фирмѣ, которой они принадлежали. . .

«Мадемуазелль Пари» не могла свести концовъ съ концами. Вмѣсто блеска и роскоши, ее ждала нищета. И Мадлена Брійянъ требуетъ теперь отъ комитета празднествъ 40.000 франковъ.

Дѣло это слушалось въ пятницу въ 5-й камерѣ гражданскаго суда. Адвокатъ «Комитета празднествъ» возражалъ противъ претензій «Мадемуазелль Пари»:

— Никакого договора у комитета съ Брійянъ не было. Единственно, что комитетъ могъ предложить своей избранницѣ, это — «моральную славу». Развѣ этого мало?

Приговоръ будетъ вынесенъ черезъ недѣлю.

ИДЕТЪ СБОРЪ НА ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ССЫЛЬНЫМЪ. НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОСЛАТЬ

моданъ, разбросалъ что куда попало — на постель, на кресла, на бархатную скатерть круглаго стола передъ диваномъ, поспѣшно бреется, моется, переодѣвается... Сейчасъ корридорный принесетъ до теплоты расчищенные ботинки, а лакей во фракѣ — горячій кофе и горячій калачъ, онъ же самъ уже будетъ къ тому времени весь сіять чистотой, нарядностью, моложавостью — бѣлоснѣжной рубахой, мраморными воротничками, шелковымъ краснымъ галстукомъ, шелковыми черными подтяжками, яркими глазами, вѣжностью и свѣжестью припудренныхъ щекъ, мокрымъ блестящимъ проборомъ... Вдругъ осторожный стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

Стукъ громче.

— Кто это? Войдите!

И дверь тихонько отворяется и въ комнату несмѣло заглядываютъ лисьи глазки какого-то небольшого лысаго человѣчка:

— Виноватъ, вы господинъ такой-то?

— Да. Что вамъ угодно?

— Позвольте рекомендоваться: дѣлопроизводитель такого-то учрежденья, изъ Твери. Находясь по личнымъ надобностямъ въ Петербургѣ, проживаю рядомъ съ этой гостиницей, въ номерахъ такихъ-то. Вышелъ купить кое-чего къ утреннему чаю и проходилъ у вашего подъѣзда какъ разъ въ ту минуту, когда вы входили въ него прямо съ вокзала. Лицо показалось знакомымъ, — у васъ большое сходство съ вашимъ братцемъ, живущимъ въ Твери, да вы и сами бываете у насъ отъ времени до времени, — спросилъ у вашего швейцара ваше имя, отчество и фамилію и убѣдился, что не ошибся. Счелъ, какъ землякъ, долгомъ представиться и, пользуясь счастливымъ случаемъ, повидаться, побесѣдовать — между прочимъ, и кое о чемъ, васъ лично касающемся и вамъ еще, можетъ быть, неизвѣстномъ, а межъ тѣмъ весьма значительномъ... Разрѣшите войти на минутку?

— Простите, я очень спѣшу. Очень радъ, но... И въ чемъ собственно дѣло?

— Прекрасно, прекрасно, навѣщу васъ, если позволите, вечеркомъ или завтра утречкомъ...

— Къ сожалѣнью, я вернусь нынче очень поздно...

— Ну, тогда завтра. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, еще увидимся, — я пробуду здѣсь еще съ недѣльку. А что до дѣла, то позвольте пока, до болѣе подробнаго разговора, изложить его вкратцѣ. Я счелъ долгомъ немедленно предупредить васъ о немъ собственно по той причинѣ, что заключается оно вотъ въ какихъ печальныхъ обстоятельствахъ: домъ, купленный, какъ вамъ извѣстно, не такъ давно вашимъ братцемъ въ Твери на такой-то улицѣ, неминуемо обреченъ на гибель: **въ немъ грибокъ**. Вашего братца злостно обманули. Домъ новый, прекрасный, проданъ за безцѣнокъ, но именно потому-то и проданъ такъ: въ немъ грибокъ, отъ котораго, какъ вамъ опять таки должно быть извѣстно, нѣтъ совершенно никакой защиты. Конечно, братецъ вашъ могъ бы поторопиться перепродать его. Но несчастье усугубляется тѣмъ, что теперь уже весь городъ знаетъ, что въ немъ грибокъ. Такъ что теперь его даже и за грошъ никто не возьметъ.

— Покорно благодарю. Но простите — стоило ли вамъ спѣшить съ такой печальной вѣстью! Да и зачѣмъ, разъ дѣло, какъ вы говорите, совершенно безнадежно?

— Увы, не скрою: вполнѣ безнадежно.

— Ну и Богъ съ нимъ совсѣмъ! Да я и не понимаю ничего: какой грибокъ, что за грибокъ?

— А вотъ я вамъ сейчасъ разскажу.

— Но повторяю — я очень спѣшу.

— Не безпокойтесь, я въ двухъ словахъ. Изволите ли видѣть: всякое жилище, построенное изъ сырого лѣса, который зараженъ такъ называемымъ «домовымъ грибкомъ», то есть извѣстнаго рода червячкомъ-вредителемъ, неминуемо превращается въ теченіи нѣкотораго (и часто даже очень короткаго) времени въ труху, въ прахъ. Вредитель этотъ, размножаясь и распространяясь съ поразительной быстротой въ томъ древесномъ матеріалѣ, который сталъ его, такъ сказать, случайнымъ пристанищемъ, буквально пожираетъ строеніе. Для примѣра приведу вамъ случай, недавно опубликованный въ газетахъ и имѣвшій мѣсто въ Челябинскѣ: тамъ въ одинъ годъ погибло не болѣе не менѣе, какъ цѣлыхъ тридцать домовъ, — цифра поистинѣ ужасная! Въ одинъ годъ они были заражены и разрушены съ верху до низу! Если же принять во вниманіе, что домъ вашего братца...

Кончается вся эта исторія тѣмъ, что пріѣзжій убиваетъ дѣлопроизводителя изъ Твери кувшиномъ съ умывальника и отдается въ руки правосудія.

ИДОЛЪ

Какъ всегда зимой, въ московскомъ Зоологическомъ саду было и въ ту зиму людно, оживленно: на каткѣ съ трехъ часовъ играла полковая музыка и туда шло и тамъ толпилось и каталось множество народу. А, кромѣ того, было въ саду еще и нѣкоторое забавное зрѣлище, на которое невольно засматривались всѣ шедшіе на катокъ отъ воротъ сада, — даже и тѣ, что уже не разъ его видѣли, благо оно было вполнѣ открытое, безплатное: по дорогѣ на катокъ всѣ на нѣсколько минутъ пріостанавливались и любопытно глядѣли на то, что представлялось ихъ глазамъ въ одномъ изъ загоновъ возлѣ дороги: всѣ прочіе загоны, равно какъ и всякіе искусственные гроты, хижины и павильоны, раскинутые на снѣжныхъ лугахъ сада, были пусты и, какъ все пустое, печальны — всѣ странные звѣри и птицы, населявшіе садъ, зимовали въ теплыхъ помѣщеньяхъ, но этотъ загонъ не пустовалъ, и было въ немъ нѣчто еще болѣе необыкновенное, чѣмъ всякіе пеликаны, газели, утконосы: тамъ стоялъ эскимосскій чумъ, похаживалъ и порой билъ въ снѣгъ копытомъ тонкой ноги, что-то искалъ подъ нимъ большой, бородатый буланый олень, гладкозадый и куцый, коронованный высокими и тяжкими лопастями сѣрыхъ роговъ, — звѣрь мощный и весь какой-то твердый, жесткій, какъ все сѣверное, полярное, — а возлѣ порога чума, прямо на снѣгу, сидѣлъ, поджавъ подъ себя короткія скрещенныя ноги въ пѣгихъ мѣховыхъ чулкахъ, торчалъ раскрытой головой изъ калнаго мѣшка оленьей шкуры не то какой-то живой идолъ, не то просто женоподобный дикій мужикъ, у котораго почти не было шеи, плоскій черепъ котораго поражалъ своей крѣпостью и густотой крупныхъ и прямыхъ смоляныхъ волосъ, а мѣдно-желтое лицо, безбородое, широкоскулое и узкоглазое, своей нечеловѣческой тупостью, хотя какъ будто и смѣшанной съ грустью; и занимался этотъ идолъ только тѣмъ, что съ трехъ часовъ до поздняго вечера сидѣлъ себѣ на снѣгу, не обращая вниманія на толпящійся передъ нимъ народъ, и отъ времени до времени давалъ представленіе: межъ его колѣнъ стояли двѣ деревянныхъ миски, — одна съ кусками сырой конины, а другая съ черной кровью, — и вотъ онъ бралъ кусокъ конины своей короткой ручкой, мокалъ ее въ кровь и совалъ въ свой рыбій ротъ, глоталъ и облизывалъ пальцы, всему прочему совсѣмъ не соотвѣтственные: небольшіе, тонкіе и даже красивые...

Въ ту зиму, въ числѣ прочихъ, ходившихъ на катокъ въ московскомъ Зоологическомъ саду и мимоходомъ смотрѣвшихъ на такую удивительную разновидность человѣка, были женихъ и невѣста, студентъ и курсистка, дружно и поспѣшно шедшіе среди всѣхъ прочихъ своихъ дѣлъ и развлеченій къ своей главной, тайной цѣли, — къ послѣдней близости. И такъ на весь вѣкъ и запомнились имъ имъ тѣ счастливые, давніе дни: снѣжно, морозно, деревья въ Зоологическомъ саду кудряво обросли инеемъ, точно сѣрыми кораллами, съ катка долетаютъ такты вальсовъ, а онъ сидитъ и все суетъ себѣ въ ротъ куски мокраго и чернаго отъ крови мяса, и ничего не выражаютъ его темные узкіе глазки, его плоскій желтый ликъ.

СТУДЕНТЪ

Студентъ былъ съ большимъ, ровнымъ носомъ, весь какъ будто деревянный, прямоугольный, но стройный, высокій, носилъ длинный, широкоплечій сюртукъ темно-зеленаго сукна, узкіе (совсѣмъ военные) панталоны со штрипками, щегольскіе николаевскіе ботинки. Студентъ былъ постояннымъ гостемъ, своимъ человѣкомъ во многихъ богатыхъ гостиныхъ, — всегда оживленный, готовый на любезность, на услугу, тѣло держащій въ постоянномъ наклонѣ впередъ, сіяющій гладкимъ проборомъ. Студентъ сдержанно появлялся на первыхъ представленіяхъ въ театрахъ, а послѣ нихъ у Кюба, на ты сошелся — и такъ незамѣтно, просто — кое съ кѣмъ изъ золотой молодежи, бывающей тамъ...

Но вотъ пріѣхалъ въ Петербургъ его землякъ, товарищъ по пензенской гимназіи, сталъ искать его, съ настойчивостью провинціала домогаться встрѣчи съ нимъ; и оказалось, во-первыхъ, что живетъ студентъ Богъ знаетъ гдѣ, по Шлиссельбургскому шоссе. Добравшись туда, землякъ вошелъ въ глубочайшій и грязный дворъ громадныхъ кирпичныхъ корпусовъ, темно глядѣвшихъ несмѣтнымъ числомъ голыхъ оконъ, мелкихъ квартиръ. Онъ долго ходилъ, ища дворника, долго добивался на порогѣ полуподземной дворницкой, гдѣ тутъ студентъ такой-то; и оказалось, во-вторыхъ, что надо было спрашивать квартиру не студента, а вдовы такой-то, его матери, что студентъ живетъ при ней, равно какъ и его сестра, мужъ которой уже давно сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Послѣ этого товарищъ нашелъ, наконецъ, подъѣздъ номеръ девять, вѣрнѣе, просто черный ходъ, и безъ конца поднимался на седьмой этажъ по крутой и темной лѣстницѣ, на одной площадкѣ которой неподвижно сидѣли противъ черной кошки два сѣрыхъ кота: кошка была точно въ нарядномъ траурѣ, съ бѣлыми лапками и пушистой бѣлой грудкой, была чиста, сыта, сжималась уютно и спокойно, жмурилась небрежно, сонно, коты же были тощи, шершавы, сидѣли напряженно, поднявъ плечи, не сводя съ нея узкихъ, злыхъ, кружевенныхъ глазъ, и было видно, что сидятъ они и кошка уже очень давно и могутъ просидѣть еще хоть сутки. А на седьмомъ этажѣ не сразу отворили, — послѣ звонка, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ квартирахъ, послышался за дверью женскій испуганный голосъ: «Мамаша, звонятъ!» и кто-то куда-то пробѣжалъ, чѣмъ-то прошлепалъ. Когда-же отворили, гость очутился въ крохотной прихожей, передъ пожилой женщиной, которая, при всей своей наружной кротости, стала, однако, такъ, точно была готова на все, лишь бы не дать гостю шагнуть дальше. Это была женщина уже сѣдѣющая и вся какая-то мягкая, съ мягкими подагрическими руками.

— Что вамъ угодно-съ? — [illegible]ла она вѣжливо, но стойко.

И гость забормоталъ:

— Простите, здѣсь живетъ студентъ такой-то?

— Здѣсь. А позвольте спросить, вы къ нему по какому дѣлу?

— Я, видите-ли, его землякъ, товарищъ по гимназіи...

— Но простите, я васъ что-то не помню. Я знала всѣхъ товарищей Вити, а вотъ васъ...

И тогда ребенокъ, который стоялъ, прятался за ея юбкой, закрывая лицо рѣшеткой пальцевъ, и сквозь пальцы пристально слѣдилъ за гостемъ, вдругъ кисло, нехотя и съ отвращеніемъ заплакалъ, продолжая, однако, слѣдить за нимъ...

А дальше оказалось, что живетъ студентъ въ комнатѣ удивительно узкой и длинной, притомъ такой холодной, что даже по воздуху въ ней видно было, какъ она холодна. Между двойными рамами ея единственнаго окна лежалъ толстый валъ дымчатой, дешевой ваты, но это тепла никакъ не прибавляло. Зато порядокъ царилъ во всемъ рѣдкій: на полу ни пушинки, желѣзная койка прикрыта сѣрымъ жесткимъ одѣяломъ безъ единой складки, лекціи и книги — между ними французскій самоучитель Туссена — лежатъ на столикѣ съ милѣйшимъ соблюденіемъ симметріи, завѣтный широкоплечій сюртукъ, распяленный на деревянной распоркѣ, виситъ на стѣнѣ за чистой простыней, николаевскіе ботинки блещутъ подъ нимъ на колодкахъ...

И былъ студентъ дома вовсе не такой, какъ въ свѣтѣ, въ гостиныхъ: привѣтливъ, но сухъ, серьезно-грустенъ. И все поглядывалъ куда-то въ свое холодное окно. За окномъ-же, къ большому удивленію гостя, не оказалось ровно ничего: за нимъ, съ этой семиэтажной высоты, плоско и грязно бѣлѣли только какія-то безконечныя снѣжныя пустыни, — нѣчто столь скучное, ненужное, что возможно только возлѣ Петербурга.

МАСКА

Зимнимъ вечеромъ на Николаевскомъ вокзалѣ въ Петербургѣ. Отходятъ поѣзда въ Москву. Въ буфетной залѣ шумно, тѣсно, всѣ не въ мѣру торопятся ѣсть, пить, всѣ одѣты тяжело, жарко, по дорожному. Круглоголовые татары лакеи носятся съ блюдами какъ угорѣлые, воздухъ густой, пахучій, горячій...

Она сидитъ за сосѣднимъ столикомъ и дѣлаетъ видъ полнаго спокойствія. Я обѣдаю и порой поглядываю на нее. Она же притворяется, что внимательно читаетъ газету: заказала отбивную котлету съ гарниромъ, а пока что купила «Новое Время» и, поднявъ брови, читаетъ, хотя прекрасно видно, что она не понимаетъ ни единаго слова — такъ не идетъ къ ней газета, такъ непривычна и ненужна она ей. Она думаетъ совсѣмъ о другомъ, остро чувствуетъ мое сосѣдство и тайное любопытство, по своему толкуя его, ждетъ, что вотъ-вотъ я обращусь къ ней примѣрно такъ:

— Виноватъ, а вы тоже изволите ѣхать въ Москву или ждете вологодскаго поѣзда?

Но я молчу, поглядываю и ѣмъ. И она уже волнуется, все выше поднимаетъ брови и все озабоченнѣе перевертываетъ газетные листы, будто ищетъ въ нихъ что-то самое важное, и, наконецъ, не выдерживаетъ:

— Простите, — говоритъ она сухо и грустно, — вы не знаете, были сегодня въ вечернихъ газетахъ новыя вѣсти съ фронта? Я ужасно безпокоюсь за мужа, третій мѣсяцъ не получаю писемъ... Онъ летчикъ и безумно храбрый...

— Не видалъ вечернихъ газетъ, не могу вамъ сказать.

— Жаль, — говоритъ она еще суше и, сдвинувъ брови, опять погружается въ газету. На ней синяя поддевка на бѣломъ барашкѣ, бѣлая папаха, далеко немолодые глаза ея густо подведены темной синью, широкоскулое лицо густо напудрено точно известью, пальцы крупны и крѣпки, хотя миндально сіяютъ выпуклыми острыми ногтями, духи пахнутъ тяжко, собакой...

Но вотъ, безнадежно поискавъ взглядомъ свободнаго мѣста, подошелъ къ столику молоденькій рыженькій офицеръ въ новенькой шинели изъ солдатскаго сукна, съ блестящими погонами, покраснѣлъ, кинулъ руку къ козырьку и, щелкнувъ каблуками, несмѣло взялся за стулъ противъ нея:

— Вы позволите?

Черезъ пять минутъ онъ уже угощаетъ ее сотерномъ. Вниманіе ея весьма устремлено на котлету, руки ловко работаютъ ножомъ и вилкой, но мизинецъ изысканно отставленъ, брови подняты грустной усмѣшкой. Онъ раскраснѣлся, осмѣлѣлъ, разстегнулъ полушубокъ, куритъ, говоритъ безъ умолку. Она то и дѣло пожимаетъ плечами, небрежно роняетъ въ отвѣтъ на его вольныя и щегольскія разсужденія о томъ, что жизнь «все таки прекрасна», все однѣ и тѣ же загадочныя фразы:

— Это смотря для кого...

— Это зависитъ отъ вкуса...

— Жизнь не укладывается въ рамки...

Онъ горячо возражаетъ:

— Но вы ужасный скептикъ! На видъ вы такая бодрая, энергичная, а межъ тѣмъ...

Она легонько стучитъ по тарелкѣ ножомъ, грустно-разсѣянно заказываетъ лакею: «Чашечку чернаго кофэ, пожалуйста», и со вздохомъ говоритъ:

— Нѣтъ, вы горько ошибаетесь, у меня въ душѣ трауръ, мой мужъ тоже офицеръ, артиллеристъ, и я только что получила страшное извѣстіе, что онъ смертельно раненъ въ бою... Я только слишкомъ хорошо умѣю носить маску!

Ив. Бунинъ.

1930 г.